

Л. Евдокимова. «Законы Любви» и юридические законы: место поэта в идеальном городе

«Законы любви» (трактат о поэтике) были созданы Гильомом Молинье рамках в Тулузской Консistorии Веселой науки; трактат известен в трех редакциях:

- 1) прозаической редакции из пяти книг, сохранившейся в двух рукописях – тулузской и барселонской;
- 2) стихотворной редакции из шести книг;
- 3) прозаической редакции из трех книг 1356 года¹.

Беатриче Феде показала, что тулузская рукопись, сохранившая раннюю прозаическую редакцию «Законов», содержит множество исправлений разного времени и была рабочим экземпляром Консistorии, работа над которым продолжалась с 1324 по 1355, когда Гильому Молинье было поручено написание второй, позднейшей, прозаической редакции. Барселонская рукопись первой прозаической редакции сохранила лишь часть исправлений, внесенных в тулузскую.

Вторая прозаическая редакция 1356 г. – единственный текст «Законов Любви», распространявшийся Консistorией официально. В то же время дошедшая до нас рукопись этой редакции, сохранила не окончательный текст.

Среди отличий второй прозаической редакции от других – наличие пространной преамбулы, рассказывающей о создании Консistorии Веселой Науки и о том, что она поручила Гильому дополнить и исправить прежнюю редакцию «Законов». Помимо преамбулы, эта редакция включает пространный трактат, в центре которого находится рассказ о средневековой системе знания – философии, где самое значительное место уделяется риторике и этике, к каковым присоединяются и «законы любви», то есть поэтика. Вторая книга в этой редакции в основном посвящена стихосложению, третья – грамматике; сравнительно с ранней редакцией эти книги сокращены; здесь отсутствует книга, которая в ранней редакции посвящена риторическим фигурам.

Мое сообщение основано на анализе двух частей редакции 1356 г., отличающей ее от других: преамбулы, а также трактата о философии. Эта часть трактата позволяет связать «Законы Любви» с идеологическим контекстом раннего города-коммуны, каким он сложился в Италии середины XIII века. Кроме того, преамбула к трактату отражает связь между сословием поэтов и социальной структурой средневекового города, а также ориентацию на литературные вкусы образованного, состоятельного слоя тулузских горожан.

Из входящих в преамбулу эпистол и ордонансов следует, что поэты получают статус профессионалов и им присваиваются ученые степени. Ритуал присуждения этих степеней описан в преамбуле крайне подробно и, как отмечалось, напоминает университетский. Части преамбулы, посвященные присуждению степеней, а также должности «надзирателя» (*bedeau*), по существу являются уставом корпорации поэтов. Благодаря этому уставу отождествление сочинительства с ремеслом, которое подразумевалось в метапоэтических

¹ Публикация первой прозаической редакции: *Las Flors del Gay Saber estier dichas Las Leys d'Amors*, éd. Gatién-Arnoult, t. I-III, Toulouse, J.-B. Paya, 1841 ; новое издание, фрагмент которого Б. Феде публикует в своей статье (Beatrice Fedi, «Per un'edizione critica della prima redazione in prosa delle *Leys d'amors*», *Studi medievali*, Ser. 3, v. 40, 1999, p. 43-118, здесь: p. 92-98), до настоящего времени так и не вышло. Публикация стихотворной редакции: *Las Flors del gay saber*, éd. Joseph Anglade, Barcelona, Camí, 1926. Публикация второй прозаической редакции: *Las Leys d'Amors*, éd. Joseph Anglade, t. I-IV, Toulouse, Privat, 1919-1920 (New York, London, Johnson Reprint Corporation, 1971).

текстах, обретает социальное измерение: поэты, по замыслу создателей Консistorии, должны образовать цех, подобный другим профессиональным объединениям средневекового города, – в этой составляющей «Законов», вне сомнения, очевидна их связь с эпохой городов и документами, регламентирующими деятельность сословий и ремесленников.

Преамбула, помимо этого, позволяет в известной степени обрисовать портрет адресата, к которому были обращены «Законы»: некоторые ее пассажи указывают на то, что Молинье обращается к образованному сословию. Об этом в особенности свидетельствуют две стихотворных эпистолы преамбулы, тесно связанные со школьной поэзией: «Поручение, данное семью учредителями Молинье привести "Законы" в должную форму» (*La Commissio dels VII Mantenedors del Gay Saber per metre Leys d'Amors en bona forma*) и ответ Молинье на это послание.

В иронической форме первая стихотворная эпистола дает понять, что происходит, если в речи встречаются «пороки»; эпистола включает и их определения – как, например, слова о том, что «апокопа обрезает слово снизу». Эпистола изобилует греческими названиями риторических фигур; фигуры ожесточенно сражаются друг с другом, покуда их не «укрощает» Молинье.

Оценить школьную ученость поэта и его претензию на остроумие могла только публика, получившая университетское образование и пропитанная той же культурой. Стихи, как известно, издавна – начиная с Античности и далее в течение всего Средневековья (как и позднее) – использовались в преподавании грамматики и риторики. Эпистола Молинье близка к «Грецизму» Эверарда из Бетюна, а именно к первой главе этой грамматической поэмы, где приводятся определения фигур, причем они именуется по-гречески. Эпистола обнаруживает близость и с «*Derivationes*» («Происхождение слов») Угоччоне да Пиза: почти все греческие названия фигур, которые приводит Молинье, объясняются в этом раннем словаре греческого языка². Джон Маршалл и Катрин Леглу отмечали, что «Грецизм» и «*Derivationes*» были источниками для описания риторики в первой прозаической редакции «Законов»³; они же, надо полагать, вдохновили Молинье и на сочинение грамматических стихов преамбулы ко второй прозаической редакции.

В более поздней французской поэме «Наставление в искусстве второй риторики» (1460-е), подписанном прозвищем Несчастливцев, стихи сохраняют мнемотехнические функции, облегчая запоминание правил и определений с помощью кратких формул: приводится определение риторики, пороков и фигур речи, видов рифм и т. д. Публика, к которой обращался Несчастливцев, близка к целевой аудитории «Законов любви»: трактат Несчастливца, как он сам сообщает, был написан по просьбе «неких лиценциатов права» («aucuns licenciés en loix»⁴). При сходстве аудиторий общий интерес к стихам

² Évrard de Béthune, *Graecismus*, éd. J. Wrobel, Vratislaviae, 1887 (Corpus grammaticurum Medii aevi, vol. I), Cap. 1. De figuris, p. 3-6; Uggucione da Pisa, *Derivationes*, editione critica princeps a cura di Enzo Cecchini et di Guido Arbizzoni, Settimo Lanciotti, Giorno Nonni, Maria Grazia Sassi, Alba Tontini, 2 vol., Firenze, Sismel, Edizioni Galluzzo, 2004. Ср., в частности, определения аферезы, синкопы и апокопы, приводящиеся в статье «эллипсис» («eclipsis»): «Hec eclipsis, idest defectus, ut solis vel lune vel alterius rei. In dictamine vero si fiat defectus dictionis vel orationis dicitur eclipsis, sed defectus littere vel sillabe non dicitur eclipsis, sed aferesis vel sincopa vel аросора» (éd. cit., t. I, p. 359, E 13 [1]). – «Эллипсис, то есть недостаток, например, солнца или луны, или любой другой вещи. Если в сочинении не хватает слова или предложения, говорят «эллипсис», но, если не хватает буквы или слога, это слово не используют, а говорят «афереза», «синкопа» или «апокопа». Из фигур, упоминаемых Молинье, в этом словаре не обнаруживаются парагога («paragoge»), плеоназм («pleonasmus»), тавтология («tautologia»), тапинозис («thapinosis»).

³ John Marshall, «Observations on the Sources of Treatment of Rhetoric in the Leys d'Amors», *Modern Language Review*, t. 64, 1969, p. 39-52; Catherine Leglu, Languages in Conflict in Toulouse: las Leys d'amors, *Modern Language Review*, t. 103 (n°2), 2008, p. 383-396 (помимо «Грецизма», Леглу называет в качестве источника риторической части трактата и *Derivationes*).

⁴ «Instructif de seconde rhétorique», éd. Emmanuel Buron, Olivier Halévy, Jean-Claude Mühlethaler, *La Muse et le Compas: poétiques à l'aube de l'âge moderne*. Anthologie, dir. Jean-Charles Montferran, Paris, Classiques Garnier, 2015, p. 68, v. 18.

грамматической и риторической тематики, хорошо знакомым тем, кто изучал эти дисциплины, не кажется случайным, – вкус к школьной поэзии с ее темами и приемами может быть одним из признаков принадлежности произведения к городской литературе.

Такое видение поэзии дополняется в «Законах» другими ее определениями. В одной из эпистол преамбулы Молинье подчеркивает ее дидактическую и социальную роль:

Mas tant es grans l'ensenhamens / De cels que fan vers e chansos / Qu'altresi quo. l religios / Mostran la vida sperital, / Et ilh mostran la temporal, / Francamen, si cum vos sabetz⁵.

«Столь велико поучение, / Какое сообщают те, кто пишут стихи и песни, / Как и то, которое сообщают монахи, / Которые учат духовной жизни; / Те же, кто сочиняют стихи и песни, / Честно учат жизни мирской».

Функция поэзии – определять правила жизни мирян – согласуется с тем местом, какое сословие поэтов, подчиненных городскому муниципалитету, должно занять в жизни Тулузы.

Также и место, которое отводится поэтическому искусству в системе средневекового знания, отвечает этому пониманию.

Жозеф Англад указал некоторые важнейшие источники трактата о философии, входящего в «Законы», – в том числе «Сокровище» Брунетто Латини и «Книгу о науке речи и молчании» Альбертано да Брешия⁶. Позднее Н. Пазеро установил еще один важнейший источник этой части трактата – речь того же Альбертано да Брешия, произнесенная перед собранием поверенных в делах: «Речь, показывающая, что необходимо на пиру и каким образом мы должны понимать слова Пророка, сказавшего: "Блажен, кто помышляет о бедном и нищем"» (Пс. 40/41) («Sermo factus ad cognoscendum que sint necessaria in convivio et quomodo debemus intelligere, secundum Profetam dicentem: «Beatus qui intelligit super egenum et pauperem»⁷).

Анализ трактата о философии показывает, что Молинье создает вторую прозаическую редакцию «Законов Любви» в подражание итальянским авторам, обращавшимся к городским правителям и учившим их одновременно и риторике, и доброму правлению (таких как Альбертано да Брешия и Брунетто Латини, книги которых он непосредственно использовал); как показали многие исследователи, трактаты этого содержания образуют отдельную группу среди разных средневековых версий античной риторики, наряду с *artes dictaminis* и *artes praedicandi*⁸.

Альбертано учился в Болонье, а быть может, и в Падуе; был юристом, членом корпорации «поверенных в делах» города Брешия (*corporazione dei causidici*), синдиком в

⁵ *Las Leys d'Amors*, éd. Joseph Anglade, op. cit., t. I, p. 10.

⁶ Alfred Jeanroy, «Les Leys d'Amors», *Histoire littéraire de la France*, t. 38, 1949, p. 139-233, здесь: p. 225-227.

⁷ Nicolo Pasero, «Sulle fonti del libro primo delle Leys d'Amors», *Studj romanzi*, v. 34, 1965, p. 125-185.

⁸ Об этих трактатах как отдельной группе (или «жанре»), а также их связи со специфической политической ситуацией итальянских городов-коммун см., в частности: Fritz Hertter, *Die Podestàliteratur Italiens im 12. und 13. Jahrhundert*, Leipzig, Berlin, 1910; Aldo Checchini, «Un giudice del secolo decimoterzo: Albertano da Brescia», *Id., Scritti giuridici e storico-giuridici*, I, Padova, 1958, p. 185-235; Enrico Artifoni, «Sull'eloquenza politica nel Duecento italiano», *Quaderni medievali*, t. 35, 1993, p. 57-78; Enrico Artifoni, «Un politico professionale del Duecento, il podestà cittadino», *Storia e dossier*, 5 mar. 1987, p. 22-25; Delphine Carron (Faivre), «Le héros de la liberté. Les aventures philosophiques de Caton au Moyen Âge latin, de Paul Diaire à Dante», Thèse (Paris-IV, Neuchâtel), 2010, p. 662-666; Andrea Zorzi, «Bien Commun et conflits politiques dans l'Italie communale», *De Bono Communi. The Discourse and Practice of the Common Good in the European City (13th-16th c.)*, Elodie Lecuppre-Desjardin, Anne-Laure Van Bruaene éd., Turnhout, Brepols, 2010, p. 268-269. Ср. также предисловие к изданию: Paola Navone, «Introduzione», Albertano da Brescia, *Liber de doctrina dicendi et tacendi: la parola del cittadino nell'Italia del Duecento*, Paola Navone éd., Firenze, SISMEL-ed. del Galuzzo, 1998, p. XI-XLIV.

1231, в 1243 – советником мэра в Генуе⁹. Его «Книга о науке речи о молчании» предлагает правила регламентации речи в административных ситуациях. Альбертано, в частности, пишет о том, как вести диалог с послами, как писать письма и законы, а также каковы общие правила беседы; Брунетто Латини, бывший в 1250-1260 гг. секретарем и нотариусом флорентийской коммуны, посвящает последнюю книгу своего «Сокровища» тому, как следует управлять городом, резюмируя «Книгу о правлении городом» («*Liber de regimine civitatum*», 1237?) Джованни да Витербо, один из памятников, относящихся к корпусу трактатов, которые обращались к подеста¹⁰.

В второй прозаической редакции «Законов» отчетливо звучит характерная для итальянских авторов идея общего блага, «людовой пользы» как высшей социальной ценности; как и у итальянцев, защита общего блага ставится столь же высоко, как служение Богу. Те, кто блюдут общее благо, противопоставляются тем, кто заботится лишь о собственных интересах. Брунетто Латини, как отмечали, непосредственно заимствовал эту мысль у Аристотеля, поскольку основывался на одной из ранних средневековых версий «Никомаховой Этики», так называемом «Александринском переводе»¹¹; эхо тех же идей слышно и у Молинье. Вдохновляясь итальянскими авторами, Молинье пытается создать своего рода философское обоснование для особого понимания поэзии, при котором она диктует законы гражданского общежития, а сами поэты становятся частью политической городской элиты. Эта часть трактата в редакции 1356 года, таким образом, несет совершенно определенный отпечаток социальных и политических идеалов, сложившихся в городской среде, и уже этим интересна для нашего коллоквиума.

Очевидно, что Молинье основывается на упомянутых итальянских источниках не случайно: Сарра Кэй недавно подчеркнула, что положение Тулузы было сходно с положением итальянских городов-государств: во главе Тулузы стоял городской совет (Капитулат), наделенный судебными, административными и военными полномочиями. Консistorия была официальной городской институцией; она состояла в основном из светских людей и противостояла Тулузскому университету – центру инквизиции, – разногласия между ними «были подобны тем, что разрывали итальянские города государства»¹².

⁹ Альдо Кеккини объясняет значение слова «causidicus» — это профессиональный советник, *assessor*; к таким советникам обращались в трудных случаях как административные власти города, так и судьи или частные лица; «советник» (или поверенный в делах) мог выполнять обязанности судьи, выступать на стороне обвинения и защиты. В части сочинений Альбертано он назван судьей; однако в тексте своих сочинений сам Альбертано именует себя «поверенным в делах». А. Кеккини приводит также основные биографические сведения об этом авторе, обсуждая, в частности, в каком университете он учился, – Болонье или Падуе, и склоняется к первому предположению; он анализирует, кроме того, юридические воззрения Альбертано, отразившиеся в его сочинениях. См.: Aldo Checchini, «Un giudice del secolo decimoterczo: Albertano da Brescia», *op. cit.*, p. 185-235. Ср. также Paola Navona, «Introduzione», *Albertano da Brescia, Liber de doctrina dicendi et tacendi*, *op. cit.*, p. XII-XL, где обсуждается жизнеописание Альбертано, его возможное обучение в Болонье или Падуе, а также глубина его юридических познаний. Об особенностях гражданского красноречия XIII в., отличающие речи Альбертано, см., в частности: Enrico Artifoni, «Sull'eloquenza politica nel Duecento italiano», *op. cit.*, p. 57-78.

¹⁰ Fritz Hertter, *Die Podestäliteratur Italiens im 12. und 13. Jahrhundert*, *op. cit.*, p. 72-75, особенно p. 72-73; Andrea Zorzi, «Bien Commun et conflits politiques dans l'Italie communale», *op. cit.*, p. 265-290, особенно p. 274-277. — Ср., кроме того, анализ корпуса трактатов, имевших такое назначение, в статье: Enrico Artifoni, «Sull'eloquenza politica nel Duecento italiano», *op. cit.*, p. 57-78.

¹¹ См., в частности, превосходный анализ сочинений Брунетто Латини в диссертации: Delphine Carron (Faivre), «Le héros de la liberté. Les aventures philosophiques de Caton au Moyen Âge latin, de Paul Diaire à Dante», *op. cit.*, p. 666-675. Об обращении Брунетто к Александринскому переводу «Никомаховой этики» см.: F. J. Carmody, «Introduction», *Li livres dou Tresor de Brunetto Latini*, Berkeley and Los Angeles, 1948, p. XXIII. Сокращенный и упрощенный перевод «Никомаховой Этики» (с арабского на латинский) — так называемый «Александринский перевод» или «Компендиум» («*Translatio Alexandrina*», «*Compendium*») — датируется 1243-1244 и приписывается Герману Алеманну; позднее Роберт Гроссетест сделал перевод «Никомаховой этики» с греческого на латинский (издание: *Ethica Nicomachea*, ed. Renatus Antonius Gauthier (Aristoteles latinus, t. 26, 1-3), Bruges, Paris, Desclée de Brouwer, 1973).

¹² Sarah Kay, *Parrots and Nightingales: Troubadour Quotations and the Development of European Poetry*, Pennsylvania, University of Pennsylvania Press, 2013, p. 176-188, цитата: p. 180.

Важнейшее место, какое занимал город и способы городского правления в идеологической системе Брунетто Латини, отражается в его представлениях о «делении философии». От Брунетто те же самые представления переходят и к Молинье.

Согласно Брунетто, философия делится на теоретические и практические науки. Практические включают этику, экономику и политику; политика, в свою очередь, включает механические науки (то есть ремесла), а также логические – грамматику, риторику и диалектику (мы схематически резюмируем описание этой системы, уделяя основное внимание практическим наукам, наиболее важным в перспективе нашей темы). Политика у Брунетто становится самой благородной наукой, поскольку «позволяет править в соответствии с разумом и законами царством, городом, народом и коммунной во времена мира и войны».

Вслед за Брунетто Молинье определяет политику как важнейшую практическую науку и подчеркивает важность работы ремесленников для жизни людей. В высшей степени значимо также, что у Молинье, как и у Брунетто, ремесла располагаются, так сказать, на одном уровне с грамматикой и риторикой, – они столь же «благородны». Эта конфигурация политики отвечает составу Консистории, где представители ученого сословия объединялись с ремесленниками и торговцами; Молинье как бы рисует некое единство городской коммуны, мыслимой как идеал.

Закончив перечень наук философии, Молинье находит в ней место и для поэтики, присоединяя ее к риторике и этике:

Aras es vezer sobre qual partida de philozophia es fondada la nostra prezens sciensa de las Leys d'Amors. E dizem que aquesta sciensa, en quant que toca bel onat e bo de parlar, se fonda sobre rethorica. E quar en aytal parlar, coma en verses, chansos et en autras dictatz hom pauza e ditz bos essenhamens e doctrinas bonas e vertuozas per esquivar vicis e peccatz e per essenhar bos costums e vertutz, per so la prezens sciensa se pot sobre ethica de laqual havem lassus parlat assatz, mas non ges de rethorica per que d'aquela parlam per esta manera¹³.

«Теперь следует узнать, на какой части философии основана наша наука Законов Любви. Скажем, что эта наука, поскольку касается прекрасной и украшенной речи, основана на риторике. А поскольку в такой речи, как, например, в стихах, песнях и других подобных сочинениях излагаются хорошие поучения, правильные и добродетельные наставления, помогающие избегать пороков и грехов и научающие добрым нравам и добродетелям, посему эта наука может опираться на этику. О последней мы довольно сказали выше, но вовсе не о риторике, о каковой скажем таким образом».

Это определение, в отличие от многих других, входящих в трактат, не является переводом какого-либо текста, но принадлежит Молинье. Напоминая сложные определения эпохи схоластики, оно от них отличается тем, что в системе Молинье поэтическое искусство – через посредство риторики – подчиняется также политике. Кроме того, в согласии со средневековыми латинскими поэтиками Молинье включает в область риторики поэзию как таковую и, следовательно, говорит о ней много чаще, чем Брунетто. Эта часть «Законов Любви» предлагает объяснение того, по какой причине темы поэзии следует ограничить дидактикой, религией и сатирой, наиболее полезными для общества и доброго правления.

Дальнейшая часть трактата о философии отводится обсуждению двух главных наук, которым подчинена поэтика, – риторике и этике.

¹³ *Las Leys d'Amors*, éd. Joseph Anglade, op. cit., t. I, p. 82.

В разделах о риторике Молинье подчеркивает ее роль в правлении, связь между ней и правом, а также участие, какое принимает в правлении судейское сословие; Молинье также сближает художественную речь дидактической поэзии и деловую речь правителей и юристов. В число же правителей характерным образом включаются представители судейского сословия. Таким образом, у Молинье определение риторики адаптируется к той среде, в которой «Законы» были созданы и к которой они обращались.

Одно из важнейших дополнений Молинье к изложению «Книги о науке речи и молчании» Альбертано да Брешиа входит в раздел о том, по каким причинам следует держать речь. Молинье амплифицирует перечень сюжетов, о которых следует говорить, и сопровождает сказанное патетической хвалой судейскому сословию; в этот пересказ он вставляет и парафразу из «Дигест» – второй части кодекса Юстиниана (*Digesta, lib. I, tit. 1, 10*) о слугах закона, которые «вершат справедливость и каждому воздают то, что ему причитается» (*fazen drechura e reddden a cascu so que sieu es*).

Эта хвала судьям и адвокатам дополняет пересказ книги Альбертано не случайно: она полностью отвечает видению средневекового города, подчиненного справедливому правлению, которое сформулировал Брунетто и унаследовал Молинье и, кроме того, тому повышенному вниманию к роли судейского сословия в городской администрации, которое отмечается и других частях трактата о философии. Она, наконец, согласуется со средой, в какой возникла Консистерия и в особенности с тем ее составом, который инициировал написание этой редакции «Законов». Не вызывает сомнения, что Молинье, как и другие члены Консистерии и их ближайшее окружение, настаивают на том, что они-то и образуют тот наиболее полезный для Тулузы слой граждан, который способен обеспечить ей наилучшую власть, а сами «Законы» мыслятся при этом как своего рода политический и общественный манифест, прямо объявляющий о той роли, на которую они претендуют.

Важно также, что продолжение этой хвалы судейским и адвокатам в своей части в конечном счете восходит к статье «Кодекса Юстиниана» (последняя воспроизводит сравнение оратора и воина, использованное уже Цицероном):

<p>Кодекс Юстиниана, кн. 2, 7. 14 Corpus Iuris Civilis, v. 2. Codex Iustinianus, éd. Paulus Kruger, Weidmann, 2008 (Unveränderte Neuauflage de 11. Auflagz, Berlin 1954), p. 99.</p> <p>Адвокаты, которые устанавливают истинные факты, составляющие дела, в защите которых выступают, – как публичных, так и частных, – а также исправляют ошибки и ущерб, нанесенный людям, приносят человеческому роду не меньшую пользу, чем те, кто спасает родину в сражениях, и свою родню от тех ран, что ей были нанесены. Мы полагаем, что не только те сражаются за нашу империю, кто вооружен мечами, щитами и панцирем, но также и адвокаты: скрывшись за укреплениями, они своими славными голосами ведут бой за дело своего покровителя, защищают жизнь людей, находящихся в затруднении, и их потомков, возвращают им надежду.</p>	<p><i>Las Leys d'Amors</i>, éd. Joseph Anglade, éd. cit., t. I, p. 95-96.</p> <p>Император воздает хвалу добрым и верным адвокатам и говорит, что «добрые адвокаты своими славными голосами в общественных и частных, то есть отдельных делах, разъясняют, указывают и определяют неясные и сомнительные факты, иначе сказать, поручают компетентному судье их указать и определить». Говорит также, что адвокаты вносят исправления и порядок в дела трудные, содержащие ошибки, запутанные и наносящие кому-либо ущерб; они возвращают нам надежду и жизнь тем, кто страдает, защищая и восстанавливая в правах их наследников. Таким образом, они прекрасно сражаются, совершая ратные подвиги, поскольку защищают общее дело, участвуя в войне, перенося ранения и</p>
--	--

	претерпеваая многие другие страдания точно так же, как те, кто с оружием в руках обороняют свою страну, своих отцов и государство.
--	--

Англад в свое время не уделил должного внимания юридическим источникам этой части «Законов Любви», полагая, что все юридические сентенции Молинье «по-видимому, заимствовал у Альбертано да Брешия»¹⁴. В данном случае, однако, не этот автор послужил Молинье источником. Цитата могла быть взята и из средневековых комментариев к «Кодексу Юстиниана». В частности, в середине XIII в. Бонагвида д'Ареццо начинает свое изложение канонического права с похвалы адвокатам, также основанной на «Кодексе Юстиниана»¹⁵. Как бы там ни было, в данном случае очевидно желание Молинье опереться на юридический авторитет, дабы обосновать свою высочайшую оценку сословия юристов. Эта апелляция к авторитетному кодексу законов и контекст, в который она помещена, вне сомнения, легитимирует способ правления, который представлен как наилучший, и позволяет понять, что сословие юристов реализует его в наилучшей степени.

Итак, за «Законами любви» угадываются законы идеального города, которым справедливо правят городские магистраты и его часть – образованное судейское сословие; законы поэзии подчиняются этой общей системе. Поэты у Молинье становятся частью политической элиты и диктуют правила гражданского поведения.

О желании Молинье опереться на юридические авторитеты и стремлении к созданию поэтики, интегрирующей правовые определения и сентенции, свидетельствует и цитата из «Декрета Грациана» – свода законов канонического права; как и предыдущая цитата из «Кодекса Юстиниана», она не обнаруживается в книгах Альбертано да Брешия¹⁶.

Наконец, еще несколько ссылок на «Кодекс Юстиниана», которые Молинье приводит в связи с определением «справедливости» (*drechura*), а также тем, что судьи должны выносить решение с осторожностью, как показал Н. Пазеро, попали в текст «Законов Любви» из упомянутой выше речи Альбертано да Брешия, произнесенной во время собрания и пира корпорации юристов г. Брешия¹⁷. Здесь также очевиден и интерес Молинье к правовым понятиям, и желание инкорпорировать их в трактат о поэзии, создав своего рода симбиоз между поэтикой и правом.

В Средние века поэтика и юриспруденция не были разделены столь радикально, как в наши дни: обе основывались на изучении риторики; в Провансе слово «*grammaticus*», отмечает А. Гурон, было частотным именованием адвокатов; в трудах юристов мог присутствовать литературный орнамент, – например, аллегории, стихотворные вставки¹⁸. И все же Молинье, как кажется, сближает эти области существеннее, чем другие авторы его времени, внушая мысль об их полной тождественности.

¹⁴ *Las Leys d'Amors*, éd. Joseph Anglade, op. cit., t. IV, p. 67, прим. 4.

¹⁵ *Bonaguidae Summa introductoria super officio advocacionis in foro ecclesiae, Anecdota quae processum civilem spectant. Bulgarus. Damasus. Bonaguida*, ed. Agathon Wunderlich, Gottingae, Vandethoeck et Rupercut, 1841, p. 133-134.

¹⁶ Ср.: *Leys d'Amors*, éd. Joseph Anglade, éd. cit., t. I, p. 126; *Decretum Gratiani, Corpus Juris canonici emendatum et notationibus illustratum Gregorii XIII. P. M. jussu editum*. Post Justi Henningii Boehmeri curas brevi adnotatione instructum ad exemplar romanum denuo edidit Æmilius Ludovicus Richter. Opus uno volumine absolutum, Lipsiae, Franciscus Beyer, 1833, *Decreti secunda pars Causa XI. Quaest. III, col. 570: C. LXXX. De iis, qui metu potestatis veritatem occultant*.

¹⁷ Nicolo Pasero, «Sulle fonti del libro primo delle Leys d'Amors», *Studj romanzi*, v. 34, 1965, p. 125-185, особенно: p. 172, 179, 181.

¹⁸ André Gouron, «L'auteur et la partie de la Summa Trecensis», *Etudes sur la diffusion des doctrines juridiques médiévales*, v. III, London, Variorum Reprints, 1987, p. 1-38, здесь: p. 35.. О литературном орнаменте в сочинениях Плассентина см., в частности: Hermann Kantorowitz, «The Poetical Sermon of a Mediaeval Jurist: Placentinus and his "Sermo de legibus"», *Journal of the Warburg Institute*, v. 2 (n°1), 1938, p. 22-41, особенно p. 24-25. Ср. также публикацию одного из сочинений Плассентина (*Placentini Summa Cum essem Mantue*, hrsgb. G. Pescatore, Greifswald, Abel, 1897), открывающуюся беседой автора с Юриспруденцией.

Вне сомнения, «Законы Любви» позволяет говорить о влиянии социальной обстановки города и, точнее, городских элит, на поэтику: «Законы» принадлежат к городской литературе, поскольку прямо выражают интересы одного из городских сословий. Этот текст отвечает тому пониманию «городской литературы», которое было предложено, в частности, в работах Германа Пляя¹⁹.

Вместе с тем «Законы» позволяют отметить, что социальное влияние города индуцирует обращение поэтов к специфическим темам и образности, – как, например, к ироническому рассуждению о риторических фигурах, которому отдал дань Молинье в преамбуле к трактату, или же Несчастливец, автор «Наставления второй риторике», а также Эсташ Дешан, сочинивший, в частности, балладу о риторике (n°1367) и «Ди о сочинителях удивительных врак и баек» (*D'un beau dit de ceuls qui contreuent nouvelles bourdes et mensonges*, 1400; n°1404); между последним произведением Дешана и «Законами Любви» обнаруживаются любопытные параллели.

¹⁹ Hermann Pleij, «The Rise of Urban Literature in Low Countries», *Medieval Dutch Literature in Its European Context*, Erik Kooper ed., New York, Cambridge University Press, 1994, p. 62-77.